

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2024**

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Васютин С. А., Боброва Л. Ю.</i> Материалы кургана № 12 западной группы могильника Ур-Бедари II	7
<i>Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш., Китов Е. П., Жанузак Р. Ж.</i> Погребение гунно-сарматского времени могильника Кырк-кыз II в Кыргызстане	22
<i>Park J. S., Savelieva T. V.</i> Advanced exploitation of high-tin bronze alloys at medieval settlement Talgar in Kazakhstan	40

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Шульга Д. П.</i> К вопросу о смешении этносов в кочевых империях (на примере брачных союзов)	55
<i>Содномпилова М. М.</i> Пищевые запреты и ограничения в традиционном обществе тюрко-монголов Внутренней Азии	67
<i>Степанова О. Б.</i> Представления о болезни и смерти и магические лечебные практики у селькупов	80

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Азарова С. Н.</i> Приамурский Земский собор 1922 г. об обновленческом перевороте в России и кампании по изъятию церковных ценностей (неопубликованные документы)	91
<i>Тулянов В. А.</i> Русская православная церковь и Советское государство в год Тысячелетия крещения Руси: проблемы взаимоотношений	113
<i>Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.</i> Государственно-конфессиональная политика СССР в эпоху «перестройки» и ее влияние на деятельность религиозных общин Омской области	126
<i>Шершнева Е. А.</i> Основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских общин Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.	145

ДЛЯ АВТОРОВ	170
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Vasyutin S. A., Bobrova L., Yu.</i> Materials from kurgan No 12 of Western group of Ur-Bedari II burial ground.....	7
<i>Akmatov K. T., Tabaldiev K. Sh., Kitov E. P., Zhanuzak R. Zh.</i> The burial of the Hun-sarmatian time of the Kyrk-Kyz II cemetery in Kyrgyzstan.....	22
<i>Park J. S., Savelieva T. V.</i> Advanced exploitation of hagh-tin bronze alloys at medieval settlement Talgar in Kazakhstan	40

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Shulga D. P.</i> Ethnic mixing in the nomad empires (the case of marriage unions).....	55
<i>Sodnompilova M. M.</i> Food prohibitions and restrictions in the traditional society of the turko-mongols of Inner Asia	67
<i>Stepanova O. B.</i> Concepts of illness and death and selkup magic healing practices.....	80

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Azarova S. N.</i> Unveiling the renovation coup: Amur Zemsky Sobor 1922 and the seizure of church property	91
<i>Tulyanov V. A.</i> Sacred struggles: the Russian Orthodox Church and the Soviet State amidst the Millennium of the Baptism of Rus	113
<i>Dashkovskiy P. K., Dvoryancikova N. A.</i> Revolutionizing religion: the USSR's confessional policy during Perestroika and its effects on religious communities in the Omsk Region	126
<i>Shershneva E. A.</i> The main directions of state-confessional policy towards the muslim communities of Eastern Siberia in the second half of the XIX — early XX century	145

FOR AUTHORS	170
--------------------------	-----

УДК 297

DOI 10.14258/nneur(2024)1–10

Е. А. Шершнева*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются основные направления государственно-конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульманского населения во второй половине XIX — начале XX в. на примере Восточной Сибири как одного из наиболее отдаленных регионов страны. Особенностью данного региона являлось то, что на протяжении длительного исторического периода он формировался за счет ссыльного населения, в том числе и исповедующего ислам. При подготовке работы привлечен обширный круг источников, представленных нормативно-правовыми актами, а также архивными материалами из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Красноярского края, Исторического архива Омской области, Национального архива Республики Башкортостан. Изменение социального состава мусульманского населения Восточной Сибири потребовало от правительства, и в частности, от губернских органов власти, более пристального внимания в вопросах реализации российского законодательства при решении вопросов, связанных с включением его в социально-правовое пространство региона. Изученный материал позволяет отметить, что несмотря на реформационные преобразования, происходившие в стране, правительство стремилось к тотальному контролю за жизнью своих подданных-мусульман, не учитывая зачастую региональную специфику их проживания.

Ключевые слова: мусульмане, Восточная Сибирь, государственно-конфессиональная политика, ислам, Российская империя.

Цитирование статьи:

Шершнева Е. А. Основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских общин Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 1. С. 145–169.
DOI 10.14258/nneur(2024)1–10.

E. A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE MAIN DIRECTIONS OF STATE-CONFESSIONAL POLICY TOWARDS THE MUSLIM COMMUNITIES OF EASTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY

The article delves into an analysis of the state-confessional policy of the Russian Empire concerning the Muslim population during the latter half of the 19th to the early 20th century, focusing on Eastern Siberia as a remote and distinctive region within the country. Notably, Eastern Siberia's historical development was significantly shaped by exiled populations, including individuals practicing Islam. The research draws upon a wide array of sources, encompassing normative legal documents and archival materials from institutions such as the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, the Historical Archive of the Omsk Region, and the National Archive of the Republic of Bashkortostan. These sources shed light on how Eastern Siberia navigated the socio-economic and political shifts occurring in Russia during this period. The evolving social composition of the Muslim community in Eastern Siberia prompted the government, particularly provincial authorities, to carefully consider the application of Russian laws when addressing issues related to their integration into the region's socio-legal framework. Despite the ongoing reformative processes in the country, the government's approach reflected a desire for strict control over the lives of Muslim subjects, often overlooking the unique regional characteristics of their settlements.

Keywords: Muslims, Eastern Siberia, state and confessional politics, Islam, Russian Empire.

For citation:

Shershneva E. A. The main directions of state-confessional policy towards the muslim communities of Eastern Siberia in the second half of the XIX — early XX century. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29. No. 1. P. 145–169. DOI 10.14258/nreur(2024)1–10.

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

Shershneva Elena Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

Введение

Российское государство на протяжении всей своей истории формировалось как многонациональное и поликонфессиональное политическое образование, в котором вероисповедная политика занимала одно из ведущих направлений. Выстраивание отношений с различными религиозными группами и институтами было направлено на сохранение и упрочнение социально-политической стабильности в государстве. К XIX в. Российская империя сформировала четырехуровневую систему государственно-конфессиональных отношений, где Русской православной церкви придавался особый статус главенствующей конфессии. На второй ступени данной иерархии располагались так называемые признанные терпимые конфессии, к которым относились католики, протестанты, буддисты, мусульмане и иудеи [Основы политики Российского государства..., 2009: 183–184]. Однако, несмотря на их признание, на отношение к представителям данных религиозных направлений оказывали влияния многие факторы как внешней, так и внутренней политики. Отношение с представителями исламской традиции заслуживало особого внимания со стороны представителей государственной власти, так как во второй половине XIX в. за счет расширения территориальных границ Российской империи численность мусульман в стране значительно увеличилась [Редкозубов, 2015: 989]. Несмотря на достаточно долгую историю существования исламского института в рамках Российского государства, ислам в определенной степени продолжал рассматриваться правительством как чужеродное явление. Однако проводимая в государстве политика в области конфессионального регулирования не предполагала насильственного искоренения ислама как религии [Алексеев, 2002: 34; Дашковский, Шершнева, 2015: 243].

Особый интерес в рамках изучения государственно-конфессиональной политики второй половины XIX — начала XX в. вызывает территория Восточной Сибири. Данный регион относился к окраинам Российской империи, а также имел специфику социального состава населения, который активно начинает меняться под влиянием модернизационных процессов, происходивших в российском обществе во второй половине XIX в. Мусульманское население, проживающее на территории Восточной Сибири, и в частности, в Енисейской губернии, принадлежало преимущественно к категории ссыльнокаторжных. Лишь после отмены крепостного права в 1861 г. на территории Енисейской губернии начинают появляться поселенцы, стремившиеся к улучшению своего материального благосостояния [Старостин, Павлинова, 2016: 63–64].

Анализ архивным материалов, представленных в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), Историческом архиве Омской области (ИАОО), Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ), а также правовых актов, позволяет оценить роль органов государственной власти в регулировании правового и социального положения мусульманских общин на территории Восточной Сибири. Изученный материал дает возможность утверждать, что увеличение численности мусульманского населения на территории Восточной Сибири потребовало от органов государственной власти, а также Оренбургского магометанского духовного собрания, более пристального внимания к вопросам, связанным с организацией жизни в регионе данной группы населения.

Роль государства в организации духовной жизни мусульманского населения Восточной Сибири

Одной из важнейших проблем, с которой сталкивалось мусульманское население Восточной Сибири, являлось удовлетворение своих духовных потребностей. Увеличение численности мусульман в регионе требовало строительства мечетей, а также назначения духовенства. Важным направлением государственно-конфессиональной политики являлся вопрос о взаимодействии власти и мусульманского духовенства. Мулла считался духовным лидером общины, как правило, выбирался из наиболее образованной части мусульманского прихода. В обязанности мусульманского духовенства входило регулирование духовной жизни общины в соответствии с нормами шариата. Мулла являлся хранителем мусульманской культуры. Кроме того, он выступал связующим звеном между общиной и органами государственной власти. В связи с этим круг должностных обязанностей мусульманского духовенства был достаточно широк и не ограничивался только исполнением религиозных треб. Возложение на муллу государственных обязанностей по ведению метрических книг, знакомство паствы с указами императора и пр., не свидетельствовали о финансовой поддержке духовного лица мусульманского вероисповедания со стороны государства. Расширяя круг должностных обязанностей мусульманского духовенства, имперская власть стремилась установить за ним контроль. Таким образом, вся процедура назначения духовного лица была прописана и закреплена на законодательном уровне. Несмотря на то, что выбиралось мусульманское духовенство членами общины, каждый кандидат должен был пройти испытание в знании основ ислама в Оренбургском магометанском духовном собрании, а затем уже утверждался в данной должности Губернским правлением. Власти тщательно следили за благонадежностью кандидатов на духовные должности. В связи с этим полицейским управлением также осуществлялся надзор за процессом избрания духовного лица [Бакиева, 2011: 15–16]. Указом от 16 июля 1888 г. были установлены требования образовательного ценза для духовных лиц мусульманского исповедания, что предполагало обязательное знание ими русского языка [ПСЗ — III. Т. VIII. № 5419].

Важная роль в реализации государственной политики отводилась Оренбургскому магометанскому духовному собранию, задачей которого явился контроль за благонадежностью мусульманского населения. Таким образом, духовным органом наряду с государственными чиновниками тщательно отслеживалось соблюдение законодательных норм при выборе духовных лиц. Данный факт подтверждается обращением муфтия в 1890 г. в Енисейское губернское правление с просьбой об оказании содействия в наведении порядка в процессе назначения на духовные должности лиц мусульманского вероисповедания [ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 282. Л. 1]. Осуществляя контроль за назначением духовных лиц, ОмДС следовало отстранять от выполнения духовных обязанностей лиц, не утвержденных в должности муллы, а в случае неподчинения отправлять их под суд [Мавлютова, 2018: 176–177].

Требования, предъявляемые к кандидатам на духовные должности, а также членам мусульманской общины, имеющим право участвовать в выборах, сделали данный вопрос весьма актуальным для мусульман Восточной Сибири, и в частности Енисейской губернии [Старостин, Павлинова, 2016: 67–68; Шершнева, 2023: 16–22]. Преставляя со-

бой преимущественно ссыльное население, лишённое ряда прав, мусульмане Енисейской губернии искали любую возможность получить духовное лицо для решения своих религиозных потребностей [Христианское просвещение..., 2012: 201–203]. Несмотря на все меры, предпринимаемые государственными органами и Оренбургским магометанским духовным собранием, в Енисейской губернии наблюдались случаи самовольного назначения муллы членами мусульманской общины [НА РБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395. Л. 2–3, 13].

Расширение должностных обязанностей муллы делали его в лице общины государственным чиновником, который мог отстаивать её интересы как перед государством, так и единоверцами. В Енисейской губернии, где социальный и этнический состав мусульманского населения не был однородным, проблема выборности духовного лица стояла очень остро. Отсутствие возможности каждого члена общины принять участие в выборах давало повод к возникновению конфликтов, которые носили затяжной характер и приводили к постоянным жалобам в органы государственной власти и ОМДС [Круз, 2020: 129; ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1463; НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6087. Л. 1–2, 6–7]. При этом очень часто мусульмане, проживающие в регионе, недовольные духовным лицом, обращаясь в губернские органы власти, указывали на нарушение светского законодательства при назначении муллы или несоблюдении им возложенных со стороны государства обязанностей. Так, в обращении мусульман Енисейска в Губернское правление указывалось о судимости муллы, что являлось безусловным отказом в утверждении духовного лица в должности [ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1463]. Тесное сотрудничество Оренбургского магометанского духовного собрания с губернскими органами власти при решении вопросов, касающихся духовной жизни мусульманских приходов, постепенно ослабляло его влияние на мусульманское население. Негативно влияла на положение мусульманского духовенства его финансовая зависимость от прихожан.

Стремясь к контролю за духовной жизнью мусульманских подданных, правительство регулировало процесс строительства и ремонта культовых зданий. Ещё в первой половине XIX в. законодательством были закреплены нормы строительства мечетей, которые ставили мусульман в зависимость от губернских властей [ПСЗ — II. Т. IV. № 2902]. Процедура получения разрешения на строительство культового здания, так же, как и назначение духовного лица, была многоступенчатой. Община на общем сходе должна была составить «общественный приговор», в котором указывалась причина, по которой необходимо возведение мечети, а также подтверждалась готовность членов общины содержать культовое здание и духовенство при нем. Данный документ направлялся в Оренбургское магометанское духовное собрание, которое в случае положительного решения направляло прошение в губернское правление. Сам проект мечети также должен был согласовываться с губернскими властями, и только после этого допускалось начало строительства [Старостин, 2019: 174].

Потребность мусульман в возведении мечети объяснялась тем, что она являлась не только культовым сооружением, но и административным центром общины. Возведение культового здания давало возможность общине выбрать духовное лицо и свидетельствовало о легализации правового статуса мусульманского прихода. Однако установленный законодательством норматив численности мусульманского прихода ограни-

чивал мусульман в возведении культового сооружения. Несмотря на жалобы мусульман на введенные требования, норматив, допускающий возведение культового здания при наличии 200 человек мужского пола, получил законодательное закрепление в начале XX в. [Загидуллин, 2008; Устав строительный, 1912: 208–242].

На протяжении длительного периода мусульманское население Енисейской губернии формировалось за счет ссыльных. В связи с этим в регионе долгое время отсутствовали мечети и духовенство [Брюханова, Неженцева, Чекрыжова, 2021: 141; Ярков, Старостин, 2021: 198]. Однако начавшиеся во второй половине XIX в. переселенческие процессы привели к увеличению численности мусульманского населения в губернии, что способствовало оживлению религиозной жизни [Памятная книжка Енисейской губернии..., 1865: 188; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи..., 1904. Кн. 73: 50–51; Ярков, Старостин, 2021: 47, 199]. В регионе начинают появляться культовые здания, а вместе с ними и духовенство. Так, если в 1830-е гг., согласно сведениям Енисейского губернатора, в регионе не было ни одной мечети, то в 1880-е гг. появляются упоминания о культовых сооружениях. А к началу XX в. в губернии насчитывалось уже 13 мечетей [Старостин, Павлинова, 2016: 64; Ярков, Старостин, 2021: 198; ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 1624].

Несмотря на стремление государства контролировать процесс организации духовной жизни мусульман, все культовые здания возводились и содержались за счет самой общины либо на средства жертвователей. В связи с этим только появление переселенцев могло способствовать строительству мечетей в Енисейской губернии. Несмотря на возросшую потребность мусульманского населения Енисейской губернии в увеличении числа мечетей, процесс получения разрешения на их строительства никак не ускорялся. Данный факт подтверждается прошением о строительстве мечети мусульманами Енисейска. Получение разрешения на строительство культового здания заняло у общины более 20 лет [ГАКК. Ф. 595. Оп. 60. Д. 191].

Оренбургское магометанское духовное собрание, находясь в тесном контакте с губернскими властями в вопросах организации духовной жизни мусульманского населения Восточной Сибири, далеко не всегда интересовалось их потребностями при выдаче разрешений на строительство культовых зданий. Духовный орган часто интересовал только статистические сведения, которые позволили бы определить возможное количество приходов на основании действующих законодательных норм [Дашковский, Шершнёва, 2020: 250–257; НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6087]. При этом именно на Оренбургское магометанское духовное собрание возлагалась обязанность по оценке возможного строительства мечети [ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4381]. Наряду с губернскими органами власти и Оренбургским магометанским духовным собранием в вопросе о предоставлении разрешения на строительство мечети принимал представитель Русской православной церкви, а точнее, епископ. Со своей стороны, духовное лицо должно было подтвердить, что строительство мечети не будет оказывать вредного влияния на духовно-нравственный быт христиан [ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5934. Л. 51].

Сложности в получении разрешения на строительство культовых зданий приводили к самовольному строительству культовых зданий. Данный факт подтверждается строительством мечети в селе Рождественском Канского уезда [ГАКК. Ф. 595. Оп. 6.

Д. 165]. Кроме того, с целью ускорения процедуры получения разрешения на строительство мечети мусульмане Енисейской губернии неоднократно обращались в губернские органы власти за предоставлением им типового проекта мечети. Данный факт объясняет также и недостаточную финансовую обеспеченность приходов, так как создание собственного проекта требовало дополнительных финансовых вложений [ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 801. Л. 1; ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 869].

Принятый 17 апреля 1905 г. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» [ПСЗ — III. Т. XXV. № 26125] должен был решить вопросы организации духовной жизни мусульманского населения, в том числе проживающего на территории Восточной Сибири. Однако, несмотря на принятый законодательный акт, а также собранное в ноябре 1905 г. Особое совещание по вопросам вероисповедания, действующие законодательные нормы, регламентирующие вопрос организации духовной жизни мусульманского населения, остались неизменными [Особое Совещание по мусульманским..., 2011].

Административно-хозяйственное устройство мусульманских общин на территории Восточной Сибири

Социально-экономические преобразования, начавшиеся в стране во второй половине XIX в., не были лишены конфессиональной окраски и оказали существенное влияние на население Восточной Сибири. Долгое время данный регион, формирующийся за счет ссылки, представлял собой территорию, заселенную достаточно неоднородно как в социальном, так и этническом планах. В Восточную Сибирь, как правило, ссылались мусульмане, совершившие особо тяжкие преступления. Несмотря на наметившиеся преобразования в стране, Восточная Сибирь, в частности Енисейская губерния, во второй половине XIX в. продолжала рассматриваться государственными чиновниками как наиболее подходящий регион для высылки неблагонадежного мусульманского населения [Литвинов, 2015: 76; ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4610. Л. 1а-2; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 212. Д. 224; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 212. Д. 268].

Таким образом, начатая М. М. Сперанским реформа аграрно-административного устройства Сибири затрагивала устройство жизни, в том числе и ссыльного мусульманского населения. Принятые «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах» сочетались с другими законами, направленными на реформирование Сибирского края [Дамешек, 2018б: 246]. Организация административного устройства ссыльных выстраивалась по принципам обществ, к которым они причислялись [Дамешек, 2018а: 379]. Основная часть мусульманского населения, оставшаяся в Сибири после отбывания наказания, причисляла себя и свое потомство к податному сословию. Ссыльных старались селить в отдалённые места, тем самым обеспечивая некоторую безопасность местному населению, а также осваивая малообжитые земли. Данная тенденция сохранялась и в период начавшихся в стране реформ [Ярков, 2017: 266].

Мусульмане, оказывающиеся на территории Сибири, независимо от своего социального статуса, стремились к воссозданию привычного для себя уклада жизни путем объединения в общины по религиозному принципу [Нам, 2014: 37]. Так, пытаясь легализовать свое положение в Енисейской губернии, ссыльные из мусульман подавали прошения о причислении их к общинам старожилов [ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 152. Л. 1, 7].

Увеличению мусульманских общин на территории Восточной Сибири способствовали и переселенческие процессы второй половины XIX — начала XX в. [Константинова, Бондаренко, 2018: 4].

Однако, несмотря на увеличение численности мусульманского населения в рассматриваемом регионе и его стремление к консолидации, аграрные реформы XIX в. были направлены на его слияние с русским крестьянским населением [Положение об инородцах 1892 года, 1912: 532]. Согласно «Положению об инородцах» предусматривалось причисление оседлых инородцев к русским деревням в том случае, если количество душ в них считалось недостаточным для создания особой волости [Бакиева, 2003: 52]. Со второй половины XIX в. в Российской империи наблюдается определенное ужесточение политики в отношении мусульманских народов. В хозяйственном плане это выразилось в том, что аборигенное население должно было подчиняться общим крестьянским законам и учреждениям.

Принятый ещё в 1822 г. Устав «Об управлении инородцев» регламентировал систему управления аборигенным населением Сибири. До принятия данного документа аборигены имели свою издревле сложившуюся систему управления. Так, татары представляли замкнутую и обособленную общину, все вопросы в которой решались на общих сходах-собраниях. По новому закону в XIX в. татары должны были создавать свои волостные управления. Во главе волостного управления, по принципу русских волостей, избирался волостной голова сроком на три года. Голова в свою очередь получал жалованье за службу. Однако данное государственное устройство было воспринято не всеми общинами, что не остановило продолжающейся реформы в сфере административного устройства сибирских татар [Бакиева, 2003: 74–75]. В июне 1853 г. было выпущено положение Сибирского комитета о порядке избрания инородцев, к которым преимущественно и относилось мусульманское население Западной и Восточной Сибири, на должности. В рамках принятого постановления избираться на общественные должности могли инородцы, достигшие 21 года, имеющие собственное хозяйство и ведущие добропорядочный образ жизни [Дамешек, Жалсанова, Курас, 2020: 233–234]. Мусульманское население, проживающее в Сибири, на основании вводимых ограничений лишалось права занимать общественные должности. Для мусульманского населения Восточной Сибири данное требование было практически непреодолимым в связи с его социально-экономическим положением.

Проводимые в аграрном секторе страны реформы предполагали глубокие преобразования, которые затрагивали мусульманские общины, проживающие на территории Восточной Сибири. Главной задачей правительства было преобразование административной системы управления инородческого населения. Предложенные иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым преобразования легли в основу закона от 2 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской» [ПСЗ — III. Т. XVIII. Ч. 1. № 15503]. Согласно данному законодательному акту, возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах, а также на них возлагался полицейский надзор. Крестьянские начальники по данному закону наделялись административными правами в отношении всех должностных лиц сельского самоуправления. Расши-

рение должностных полномочий крестьянских начальников не решало проблем, возникающих в полиэтничном пространстве Восточной Сибири [Дамешек, 2018а: 358]. Особое внимание уделялось благонадежности лиц, назначаемых на данные должности. Сложность представлял вопрос вероисповедания для лиц, назначаемых на должности крестьянских начальников, а также их образовательный ценз. В Сибири существовали некоторые послабления, касающиеся образовательного ценза крестьянских начальников [РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 55. Л. 18–19; Дамешек, 2018а: 359; Федорова, 2023: 495]. Проводимые административные реформы сокращали функционал сельских сходов и старост, что приводило к отсутствию желания занимать данную должность. Таким образом, уже к началу XX в. на должности сельских старост в Енисейской губернии были вынуждены назначать ссыльнопоселенцев [Федорова, 2023: 500–501].

В рамках проводимых реформ правительство ставило одной из главных своих задач сближение мусульман с русским населением в организации быта и самоуправления общины. Слиянию с русским населением способствовало не только изменение по русскому образцу инородческой системы управления, но и уравнивание мусульманского населения, занятого в аграрном секторе страны, в правах с крестьянами. Таким образом, татары уравнивались в выплате податей и выполнении повинностей, за исключением рекрутской, с русским крестьянским населением. Все подати собирались со всей общины, таким образом, она была связана круговой порукой [Бакиева, 2003: 129–130]. Следует, однако, отметить, что значительная часть мусульманского населения Енисейской губернии была вовлечена в наемный труд и ремесленное производство. Незаинтересованность в организации крестьянских хозяйств оказывала влияние на выстраивание поземельных отношений в регионе. Так, в Енисейской губернии земельные тяжбы не были частым явлением [Карих, 2008: 64]. Несмотря на это, проводимые в аграрном секторе страны реформы оказали влияние на рост этнического самосознания в мусульманской среде.

Включение мусульман в судебную систему Российской империи

Стремясь изменить уклад жизни мусульманского населения страны, российским правительством, наряду с реформированием административного устройства мусульманских общин, была проведена судебная реформа. В рамках проводимой судебной реформы 20 ноября 1864 г. были утверждены Судебные уставы. В данный документ вошло 4 законодательных акта: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Таким образом, новая судебная система принимала вид бессословной, а система общих и мировых судов становилась единой для всех подданных Российской империи [Верняев, 2021: 78; ПСЗ — II. Т. XXXIX. Ч. 2. № 41475]. Позднее, в 1885 г., были приняты Временные правила о внесении изменений в судопроизводство Томской и Тобольской губерний, Восточной Сибири и Приамурского края. Согласно принятым правилам, все жалобы на волостные управы и суды рассматривались окружными судами. Однако окружной суд рассматривал только те дела, которые прошли все низшие судебные инстанции основании гражданского судопроизводства. Инородные управы, в которых проживало в том числе и мусульманское население.

ние, напрямую подчинялись окружным судам. Все жалобы рассматривались в годичный срок, по истечении которого никакие претензии уже не принимались [Дамешек, Жалсанова, Курас, 2020: 240–241].

Для народов Сибири, исповедующих ислам, разрешалось сохранять нормы обычаев при решении ряда вопросов. Однако основным документом, регламентирующим отношение мусульман с административными органами, который также определял их взаимодействие с правоохранительными органами по охране общественного порядка, было «Положение об инородцах» (1892 г.) [Петровский, 2021: 90].

Несмотря на попытки внедрения общегражданского судопроизводства, на протяжении всего пореформенного периода судебную функцию по-прежнему на территории Сибири выполняло духовенство. Мусульманское духовенство, пользующееся авторитетом среди прихожан и принимающее активное участие во всех делах общины, являлось судом первой инстанции. Учитывая такое отношение со стороны мусульманского населения к представителям духовенства, а также взятый правительством курс на постепенное внедрение светской судебной системы в исламскую среду, муллы и ахуны продолжали осуществлять свои судебные функции на законном основании. Муллы привлекались светскими властями для решения судебных тяжб и разбирательств преимущественно в вопросах семейного и наследственного права [Бакиева, 2003]. В связи с тем, что мусульманское духовенство выстраивало судебную систему, основываясь на нормах Шариата, то для него существовал ряд ограничений. Им запрещалось применение телесных наказаний либо каким-то образом позорящих действий в отношении привлеченного к ответственности. Духовенство должно было ограничиваться только увещанием. Ограничивалось духовенство и в характере рассматриваемых дел. Так, из его ведения изымались дела гражданские и уголовные, касающиеся хищения имущества и нанесения личных обид [Тур, 2021: 79].

Особая роль отводилась мусульманскому духовенству в вопросах формирования антикриминального сознания населения. Власти стремились обосновать необходимость и справедливость создаваемой системы уголовного судопроизводства, чему могла способствовать поддержка со стороны также и мусульманского духовенства. Начиная с XVIII в. муллы были включены в общую профилактическую систему полицейского надзора за гражданами [Петровский, 2021: 89]. Однако, что касается пенитенциарной системы, то положение мусульманского духовенства здесь долгое время оставалось нерегламентированным. Практически до начала XX в. мусульманское духовенство не имело определенного статуса в уголовно-исполнительной системе Российской империи. Связано это было также и с тем фактом, что по всей России процент заключенных мусульман долгое время был незначительным, что позволяло правительству игнорировать религиозные права заключенных-мусульман, в том числе и на территории Восточной Сибири [Усманова, 2023: 189; ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 12].

Важное место в отношении мусульманского населения региона занимало уголовное судопроизводство, основывающееся на принятых в процессе реформы 1864 г. нормах. Однако для ряда областей были приняты некоторые послабления относительно общего уголовного законодательства. Разрешалось использовать в инородческих и горских судах нормы обычного и конфессионального уголовного права в делах инородческого

населения. При этом данные дела должны были затрагивать только инородческое население на территориях их постоянного проживания [Верняев, 2021: 254].

Влияние государства на организацию благотворительности мусульманами Восточной Сибири

Неотъемлемой частью жизни мусульманских общин являлась благотворительная деятельность. Согласно религиозной традиции и нормам мусульманского права, каждый мусульманин, имеющий финансовую возможность, обязан оказывать помощь своим единоверцам. С изменением социально-экономического благосостояния мусульманского населения Восточной Сибири во второй половине XIX в. вопрос организации благотворительной деятельности становится актуальным. Мусульмане, добровольно переселившиеся на территорию Сибири, стремились к организации духовной жизни, в том числе и через институт пожертвований. Наиболее обеспеченными членами мусульманских общин осуществлялись пожертвования на строительство мечетей, а также содержание духовенства при них [ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11148]. Однако отсутствие в Российской империи законодательного регулирования благотворительной деятельности мусульманского населения осложняло данный процесс.

В рамках модернизационных процессов, происходивших в российском обществе, муфтием М. Султановым в 1894 г. были разработаны правила по легализации вакфа. Муфтием было предложено определить правовой статус такого вида пожертвований на основе правовых норм российского законодательства [Загидуллин, 2015: 48–49]. Однако данная форма благотворительности так и не нашла своего законодательного оформления.

К началу XX в. в мусульманской среде появляется возможность организации новой формы благотворительности, основанной на светском законодательстве. Включенность мусульман в данный вид социальной деятельности приводит к созданию благотворительных обществ. Наиболее активно работа по созданию благотворительных организаций начинается с принятием закона от 4 марта 1906 г. «Временные правила об обществах и союзах» [ПСЗ — III. Т. XXVI. Ч. 1. № 27479]. Благодаря данному законодательному акту на территории Восточной Сибири, а именно в Иркутске, Красноярске и Ачинске, были открыты общества попечения об учащихся-мусульманах [Нам, 2009: 76]. В данный период на имя губернатора Енисейской губернии начинают поступать прошения об открытии благотворительных организаций, деятельность которых была ориентирована на поддержку малоимущего населения, а также удовлетворение образовательных и духовных потребностей мусульманских общин региона [ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 807. Л. 1–3 об.; Ф. 595. Оп. 35. Д. 728].

В то же время нужно отметить, что власти были озабочены возросшей ролью благотворительных обществ, которые оказывали влияние на мусульманское население страны и способствовали формированию активной политической позиции в обществе. В связи с этим в начале XX в. в ряде регионов было отказано в открытии библиотек и читален для мусульманского населения. Со стороны государства в рамках борьбы с панисламистскими идеями 20 января 1910 г. было издано Циркулярное распоряжение министра внутренних дел П. А. Столыпина, согласно которому губернаторам и градоначальникам следовало более пристально знакомиться с деятельностью му-

сульманских обществ с целью прекращения их функционирования [Амелин, Денисов, Маргунов, 2014: 199–200].

В 1912 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий было направлено отношение Енисейскому губернатору с запросом о наличии в губернии приходских попечительских организаций. В запросе указывалось на то, что в некоторых регионах Российской империи имелись подобные мусульманские общества, хотя действующее законодательство не предусматривало существование никаких общественных или благотворительных организаций при приходах [ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 645. Л. 1]. Таким образом, получив законное право на создание благотворительных обществ, мусульманское население Восточной Сибири было по-прежнему ограничено светскими органами государственной власти в осуществлении данного вида деятельности.

Роль РПЦ в процессе включение мусульманского населения Восточной Сибири в социокультурное пространство Российской империи

Особое место в конфессиональной политике Российского государства отводилось проблеме распространения православия среди инородческого населения окраин империи. Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции, а также важный социокультурный процесс. Таким образом, православная церковь как часть государственного организма взяла на себя задачу по унификации инородческого населения и приведения его к единой государственной вере. В XIX в. на территории Сибири начинает активно развиваться миссионерская деятельность Русской православной церкви, а также формируется разветвленная система управления ее приходами в рамках епархий. На протяжении всего XIX в. наблюдается значительный рост числа епархий и церквей на территории Сибири. Одной из наиболее крупных православных епархий на территории Сибири в данный период становится Енисейская, в рамках которой функционировало 12 миссионерских приходов [Дамешек, 2018а: 335].

К началу XX в. на территории Сибири действовало восемь православных миссий, наиболее крупными из которых считались Алтайская, Иркутская и Забайкальская [Сибирь в составе Российской империи, 2007: 219]. При этом задачей миссионеров в данный период становится не только крещение, но и приобщение новообращенных к православной традиции. К тому же обращение в православие рассматривалось государством как приобщение к русской культуре, а также способствовало, по мнению чиновников, формированию гражданской идентичности.

Для мусульманского населения Восточной Сибири принятие православия очень часто было сопряжено с решением экономических проблем, так как миссионер обязан был после крещения решить некоторые проблемы, связанные с устройством жизни новокрещенного. Данное утверждение находит подтверждение в тех фактах, что когда жизнь среди единоверцев налаживалась, снижалось количество желающих принять православие. Несмотря на это церковные деятели, среди которых был архиепископ Иркутский и Нерчинский Парфений (Попов), обращали внимание на то, что задачей миссионеров является именно забота о благосостоянии новокрещенных [Шумская, 2013: 38–39]. Нередким явлением в Восточной Сибири было желание принять православие ссыльными мусульманами, которые стремились к решению не только своих экономических, но и духовных потребностей [ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2485. Л. 1, 7–8; Ф. 674.

Оп. 1. Д. 2870]. Однако несмотря на поддержку со стороны государства, переход в православие мусульманского населения, в том числе и на территории Восточной Сибири, не был массовым [Дашковский, Шершнева, 2021: 97–99].

Несмотря на то, что крещение мусульманского населения рассматривалось как дело государственной важности, сама процедура крещения была достаточно регламентированной. В рамках данной процедуры священник должен был подать прошение епископу, чтобы получить разрешение на крещение. Желаящий принять православие мусульманин должен был оставить «показания» о своем добровольном желании принять новую веру и готовности в ней оставаться до конца жизни. Такой алгоритм строго соблюдался в Енисейской губернии [ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 693; Ф. 674. Оп. 1. Д. 1150. Л. 1–2; Ф. 674. Оп. 1. Д. 3226; Ф. 674. Оп. 1. Д. 3227]. Несмотря на регламентацию процедуры принятия православия, особой проблемой являлось неприятие мусульманским крещеным населением христианской догматики. Крестившись, мусульмане зачастую оставались верны своим традициям.

Во второй половине XIX в. в среде крещеного мусульманской населения начинает усиливаться тенденция на возвращение в ислам. Данный процесс затрагивал всю территорию Российской империи и имел несколько этапов. Начавшись на территории Поволжья и Урала, в него постепенно оказалось вовлечено население Сибири. Несмотря на заинтересованность правительства в процессе христианизации мусульманского населения, во второй половине XIX в. принимаются постановления об отмене ряда льгот для лиц, принимающих православие [ПСЗ — II. Т. ХLI. № 43138]. Священники, стремясь сдерживать процесс перехода в ислам крещеного населения, должны были прибегать к увещаниям, а также допускалось обращение в инородные управы. Так, волостные начальники должны были принуждать к исполнению христианского долга инородца, уклоняющегося от соблюдения религиозных обрядов [Конев, 2008: 319].

Усилил процесс «отступничества» из православия принятый в 1905 г. Указ «Об укреплении начал веротерпимости». После принятия данного нормативного акта вопрос о методах ведения миссионерской деятельности среди мусульман стал ещё более актуальным. Отступничество от православия не являлось в Российской империи делом сугубо церковным. Дела, касающиеся перехода в ислам, рассматривались с особой тщательностью и привлечением губернских властей [ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 901; Ф. 595. Оп. 13. Д. 147]. В 1905 г. Министерством внутренних дел было сделано циркулярное предписание, согласно которому лица, желающие перейти из православия в иную конфессию, обязаны были написать прошение на имя губернатора, а уже затем проводилось расследование о том, какого вероисповедания были предки просящего, уклонялся ли он от исполнения христианских обрядов [ГАКК. Ф. 595 Оп. 13. Д. 147. Л. 12–12об.]. Таким образом, правительство всячески старалось оказать поддержку церкви в сохранении её паствы и вернуть отступников в православие.

Несмотря на разрешение крещеным мусульманам переходить в ислам, губернские власти так и не получили четких разъяснений о нормах таких переходов. Данные обстоятельства усложняли процесс законодательного закрепления права перехода за инородцами в ислам со стороны региональных властей, так как они не совсем понимали, как им действовать. В связи с этим интересен факт, что 16–21 сентября 1905 г. Енисей-

ский губернатор подготовил циркуляр. В нем как раз говорилось, что в связи с принятием нового закона многие не окрепшие в православной вере подали прошения о причислении их к другим вероисповеданиям. Поскольку разъяснения к указу отсутствовали, оставалось непонятным, как оформлять «отпадение» от православия [ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 601. Л. 5]. Согласно указу Святейшего Синода «О порядке перехода православных лиц в инославные и иноверные исповедания» практику «пасторского увещевания» следовало сохранять неизменной, не разрешать свободный переход в другую конфессию. Данные рекомендации были впоследствии узаконены министром внутренних дел П. А. Столыпиным, который издал 5 ноября 1907 г. Циркулярное распоряжение всем губернаторам [Литвиненко, 2022: 43; Недземлюк, 2019: 135–136].

С изданием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» стали выявляться истинные причины принятия православия мусульманским населением, в том числе и на территории Енисейской губернии. Были также выявлены случаи закрепления за православными приходами лиц мусульманского вероисповедания без их согласия [ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 122]. Однако, несмотря на выявление незаконного причисления мусульман в православное вероисповедание, а также утверждение норм, регламентирующих возвращение в ислам крещеного населения, получение разрешения на принятие ислама оставалось в ведении губернского начальств. Данный факт подтверждается обращениями, направленными Енисейскому губернатору о разрешении причислить к исламу взятого на воспитание ребенка, а также изменить вероисповедание лицам, желающим вступить в брак с мусульманином [ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 914; Ф. 595. Оп. 13. Д. 147].

Заключение

Таким образом, несмотря на начавшиеся в стране во второй половине XIX — начале XX в. социально-экономические и политические преобразования, отношение к мусульманскому населению империи по-прежнему оставалось настороженным. Правительство стремилось интегрировать мусульманское население в российское социокультурное и правовое пространство путем приобщения его к русской культуре и быту. Особый интерес с точки зрения реализации государственно-конфессиональной политики в отношении мусульман представляет территория Восточной Сибири. Данный регион на протяжении длительного периода формировался за счет ссыльного компонента, что позволяло правительству игнорировать духовные потребности мусульманского населения. С начавшимися в стране во второй половине XIX в. переселенческими процессами на территории Восточной Сибири отмечается рост численности мусульманского населения, а параллельно с этим возрастает стремление мусульман к организации своей духовной жизни. В рамках российского законодательства были полностью регламентированы нормы культового строительства, а также избрания лиц духовного звания мусульманского вероисповедания. Важное значение в данном процессе отводилось губернским органам власти, а также Оренбургскому магометанскому духовному собранию, которое в данном случае выполняло надзорную функцию, часто не учитывая интересов самого мусульманского населения региона. Специфика социального состава мусульманского населения Восточной Сибири, в частности Енисейской губернии, приводила к частым конфликтам внутри самих общин в вопросах избрания духовного лица. Не меньшую сложность представляло и возведение культовых зданий, так как несмотря

на возросшее число последователей исламской традиции в регионе, губернские органы власти старались сдерживать процесс культового строительства. В некоторых случаях для получения разрешения на строительство мечети уходило до 20 лет.

К началу XX в. способствовать удовлетворению духовных нужд мусульманского населения могли организованные благотворительные организации. Несмотря на то, что благотворительность являлась одной из основ исламского вероучения, мусульмане Российской империи долгое время были лишены возможности осуществлять её на законодательном уровне. Однако, узаконив создание мусульманских благотворительных организаций, правительство стремилось к максимальному контролю за их деятельностью в регионе.

Проводимые в стране судебная и аграрная реформы также имели конфессиональный оттенок. Создание новой системы административного управления приводило к включению мусульманского населения Восточной Сибири в административно-правовое пространство по принципу уравнивания его с крестьянским населением. Относительно небольшая численность мусульман в регионе, а также статус ссыльных лишали их возможности организации моноконфессиональных административных образований. Однако, несмотря на реформы в области судопроизводства, за мусульманами оставалось право решения некоторых конфликтов с привлечением конфессионального права и при помощи духовного лица.

Анализируя социально-экономическое положение мусульманского населения Восточной Сибири, можно выделить роль Русской православной церкви в его адаптации в регионе. Правительство видело в миссионерской деятельности инструмент интеграции мусульман в социокультурное пространство империи. Однако следует отметить, что принятие православия мусульманским населением Восточной Сибири не имело массового характера, а принятие в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости» привело к массовому «отпадению» в ислам. Несмотря на принятие данного закона, государство по-прежнему видело своей задачей осуществление поддержки Русской православной церкви. Для того, чтобы принять ислам, желающие это сделать должны были обратиться к губернатору. При этом данный вопрос решался обязательно с участием светских чиновников. Несмотря на достаточно сложное положение и активное вмешательство государства во все сферы социально-экономической и духовной жизни, мусульманское население на территории Восточной Сибири придерживалось своих религиозных убеждений и стремилось к решению вопросов, связанных с удовлетворением своих религиозных потребностей.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23–18–00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23–18–00117 “The impact of the Imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional

relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia.”

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев И. Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX — начале XX вв. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории) // Религиоведение. 2002. № 2. С. 29–40.

Амелин В. В., Денисов Д. Н., Маргунов К. А. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края. Оренбург : Университет, 2014. 304 с.

Бакиева Г. Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). Тюмень : Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2003. 258 с.

Бакиева Г. Т. Мусульманское духовенство у сибирских татар в XIX — начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII — начале XX вв. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 12–27.

Брюханова Е. А., Неженцева Н. В., Чекрыжова О. И. Мусульманское население в городах Сибири: по материалам переписи 1897 года // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 4. С. 135–154.

Верняев И. И. Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2021. 640 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 212. Д. 224.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 212. Д. 268.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 32. Оп. 1. Д. 12.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 1624.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4381.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 165.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 45.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 122.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5934.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 147.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11148.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 282.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1463.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 152.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 807.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 728.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 601.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 901.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 914

ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 801.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 869.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 60. Д. 191.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 693.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1150.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2485.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2870.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3226.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3227.

Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск : Оттиск, 2018 а. Т. 2. 416 с.

Дамешек Л. М. Сибирские окраины Российской империи (XVIII — начало XX в.). Иркутск : Оттиск, 2018 б. Т. 3. 256 с.

Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX — начало XX вв.). Иркутск : Оттиск, 2020. 740 с.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. Вып. VIII. С. 242–264.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Организация духовной жизни мусульманского населения Енисейской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX — начала XX вв. // Былые годы. 2020. № 1. С. 250–257.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Процесс обращения в христианство инородцев и проблема обратного перехода в ислам во второй половине XIX — начале XX в. в Южной Сибири (на примере Енисейской губернии) // Вопросы истории. 2021. № 10. С. 97–99.

Загидуллин И. К. Особенности организации религиозно-обрядовой жизни рабочих татар-мусульман в Европейской части России и Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Мир ислама. 2008. № 1. URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17-12008№> (дата обращения: 12.01.2015).

Загидуллин И. К. Уфимский курултай 1905 года. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 327 с.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 4610.

Карих Е. В. Поземельные отношения в Енисейской губернии между коренным и пришлым населением во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 64–66.

Конев А. Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX в.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 303–319.

Константинова Н. А., Бондаренко О. В. Этнический состав мусульман Восточной Сибири на рубеже XIX–XX веков // The oriesandProblemsofPolitical Studies. 2018. Т. 7. Is. 3A. С. 3–7.

Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 475 с.

Литвиненко П. В. Странные неопиты ислама: переход христиан в ислам в русском Туркестане // История: факты и символы. 2022. № 3. С. 36–51.

Литвинов В. П. О высылке «вредных» мусульман из царского Туркестана (по архивным материалам) // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 6. С. 73–77.

Мавлютова Г. Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4. С. 175–183.

Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. 295. Оп. 3. Д. 6087.

НАРБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395.

Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 496 с.

Нам И. В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX — начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 10. С. 34–49.

Недзелюк Т. Г. Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. 2019. Т. 21. № 4. С. 128–139.

Основы политики Российского государства в сфере свободы совести и вероисповедания (концепция) // Вопросы религии и религиоведения. Приложение к журналу «Государство, религия, церковь». М. : МедиаПром: Изд-во РАГС, 2009. Ч. 4, вып. 1. С. 183–184.

Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. Казань : Ихлас: Изд-во Института истории АН РТ, 2011. 295 с.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 г. СПб. : Типография К. Вульфа, 1865. 345 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. LXXXIII: Енисейская губерния. 185 с.

Петровский А. В. Взаимодействие традиционных и религиозных нормативных институтов предупреждения преступного поведения с законодательством Российской империи в XIX — начале XX в. // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 9. С. 88–93.

Положение об инородцах 1892 года // Свод законов Российской империи. СПб. : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. Т. 2. С. 531–586.

ПСЗ — II. Т. IV. № 2902.

ПСЗ — II. Т. XLI. № 43138.

ПСЗ — II. Т. XXXIX. Ч. 2. № 41475.

ПСЗ — III. Т. VIII. № 5419.

ПСЗ — III. Т. XVIII. Ч. 1. № 15503.

ПСЗ — III. Т. XXV. № 26125.

ПСЗ — III. Т. XXVI. Ч. 1. № 27479.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 66. Д. 55.

Редкозубов А. Д. Ислам в Российской империи // Humanityspace. Inernetionalalmanac. 2015. Vol. 4. No 5. С. 987–993.

Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Старостин А. Н. Формирование мусульманских общин в горнозаводских поселениях Урала и Сибири в конце XIX — начале XX в. // Известия УГГУ. 2019. Вып. 2 (54). С. 173–180.

Старостин А. Н., Павлинова Р. Н. Мечети и имамы Восточной Сибири и Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX века: попытка социоисторического анализа // Ислам в Сибири: вызовы времени. Омск : Омский государственный техн. ун-т, 2016. С. 63–69.

Тур В. Г. Конфессиональная судебная система Российской империи середины XIX в.: история и современные проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. 2021. Юридические науки. Т. 7 (73). № 1. С. 74–85.

Усманова Д. М. Мусульманин в пенитенциарной системе Российской империи: свидетельства татарских эго-документов начала XX столетия // Вестник РУДН. 2023. Серия: История России. Vol. 22. № 2. С. 188–206.

Устав строительный. 1900 г. // Свод законов Российской империи. СПб. : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. Т. 12. С. 208–242.

Федорова В. И. Сельская бюрократия и крестьянство в Енисейской губернии XIX — начала XX веков // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 489–508

Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX — начале XX вв.: сборник материалов и документов. Казань : Ихлас, 2012. 412 с.

Шершнева Е. А. Положение мулл в мусульманских общинах Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Этнические меньшинства в истории России: материалы IV Международной научной конференции. СПб., 2023. С. 16–22.

Шумская Е. М. Проблемы принятия православия нехристианским населением Оренбургской епархии (вторая половина XIX — начало XX века) // Гороховские чтения. Материалы IV региональной музейной конференции. Челябинск : Челябинский гос. краеведческий музей, 2013. С. 36–46.

Ярков А. П. Маргиналы уммы азиатской части России в XIX — начале XXI в. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). Новосибирск : Параллель, 2017. С. 264–268.

Ярков А. П., Старостин А. Н. Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2021. 300 с.

REFERENCES

Alekseev I. L. Nekotorye osobennosti istoricheskoi ehvolyutsii I politiko-pravovogo polozheniya Islama I musul'man v Rossiiskoi imperii v XIX — nachale XX vv. (k voprosu o vzaimootnoshenii tsivilizatsionnykh logic rossiiskoi istorii). [Some features of the historical evolution and political and legal status of Islam and Muslims in the Russian Empire in the XIX — early XX centuries. (on the question of the relationship of the civilizational logics of Russian history)]. *Religiovedenie* [Religious Studies]. 2002, no. 2, pp. 29–40 (in Russian).

Amelin V. V., Denisov D. N., Margunov K. A. *Islam v konfessional'nom prostranstve Orenburgskogo kraja* [Islam in the confessional space of the Orenburg region]. Orenburg: University, 2014, 304 p. (in Russian).

Bakieva G. T. *Sel'skaya obshchina tobolo-irtyshskikh tatar (XVIII — nachalo XX v.)* [Rural community of the Tobolo-Irtysh Tatars (XVIII — early XX century)]. Tyumen: Institute of Problems of development of the North SB RAS, 2003, 258 p. (in Russian).

Bakieva G. T. *Musul'manskoe dukhovenstvo u sibirskikh tatar v XIX — nachale XX v.* [Muslim clergy among the Siberian Tatars in the XIX — early XX century]. *Orenburgskoe magometansko edukhovnoe sobranie I dukhovnoe razvitie tatarskogo naroda v poslednei chetverti XVIII — nachale XX vv.* [Orenburg Mohammedan spiritual assembly and the spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the XVIII — early XX centuries]. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani ANRT, 2011, pp. 12–27 (in Russian).

Bryukhanova E. A., Nezhentseva N. V., Chekryzhova O. I. *Musul'manskoe naselenie v gorodakh Sibiri: po materialam perepisi 1897 goda* [The Muslim population in the cities of Siberia: based on the census of 1897]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2021, no. 4, pp. 135–154 (in Russian).

Vernyaev I. I. *Istoricheskaya dinamika sudebno-pravovoi integratsii Rossiiskoi imperii* [Historical dynamics of judicial and legal integration of the Russian Empire] St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2021, 640 p. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation (GA of the Russian Federation)]. Fund 109. Inventory 212. File 224 (in Russian).

GARF [GA of the Russian Federation]. Fund 109. Inventory 212. File 268 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)]. Fund 32. Inventory 1. File 12 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 2. File 1624 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 2. File 4381 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 6. File 165 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 7. File 122 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 7. File 645 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 8. File 5934 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 13. File 147 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 14. File 11148 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 16. File 282 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 16. File 1463 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 19. File 152 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 34. File 807 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 35. File 728 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 48. File 601 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 48. File 901 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 48. File 914 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 59. File 801 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 59. File 869 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 60. File 191 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 693 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 1150 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 2485 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 2870 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 3226 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 3227 (in Russian).

Dameshek L. M., Dameshek I. L. *Sibirskie s sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)* [Siberian with the system of imperial regionalism (1822–1917)] Irkutsk: Publishing house “Ottisk”, 2018a. Vol. 2. 416 p. (in Russian).

Dameshek L. M. *Sibirskie okrainy Rossiiskoi imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Siberian outskirts of the Russian Empire (XVIII — early XX century)]. Irkutsk: Publishing house “Ottisk”, 2018b, vol. 3, 256 p. (in Russian).

Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts, Kuras L. V. *Buryatskii ehtnos v imperskoi sisteme vlasti (XIX — nachalo XX vv.)* [Buryat ethnos in the imperial system of power (XIX — early XX centuries)]. Irkutsk: Publishing house “Ottisk”, 2020, 740 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Religioznaya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii musul'manskikh obshchin Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The religious policy of the Russian Empire in relation to the Muslim communities of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospective* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. 2015, Is. VIII, pp. 242–264 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Organizatsii dukhovnoi zhizni musul'manskogo naseleniya Eniseiskoi gubernii v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki vo vtoroi polovine XIX — nachala XX vv. [The organization of the spiritual life of the Muslim population of the Yenisei province in the context of state and confessional policy in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Bylye gody* [Bygone years]. 2020, no. 1, pp. 250–257 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Protsess obrashcheniya v khristianstvo inorodtsev I problema obratnogo perekhoda v islam vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. v Yuzhnoi Sibiri (na primere Eniseiskoi gubernii) [The process of converting foreigners to Christianity and the problem of reverse conversion to Islam in the second half of the XIX — early XX century in Southern Siberia (on the example of the Yenisei province)]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2021, no. 10, pp. 97–99 (in Russian).

Zagidullin I. K. Osobennosti organizatsii religiozno-obryadovoi zhizni rabochikh tatar-musul'man v Evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Features of the organization of religious and ceremonial life of Muslim Tatar workers in the European part of Russia and Siberia (the second half of the XIX — beginning of the XX century)]. *Mir islama* [The World of Islam]. 2008, no. 1. [Electronic resource]. URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17-12008N> (accessed: 12.01.2015) (in Russian).

Zagidullin I. K. *Ufimskii kurultai 1905 goda* [Ufa kurultai 1905]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015, 327 p. (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk region (IAOO)]. Fund 3. Inventory 3. File 4610 (in Russian).

Karikh E. V. Pozemel'nyeotnosheniya v Eniseiskoi gubernii mezhdru korennyimi prishlym naseleniem vo vtoroi polovine XIX v. [Land relations in the Yenisei province between the indigenous and the alien population in the second half of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. 2008, no. 307, pp. 64–66 (in Russian).

Konev A. Yu. Vliyanie religioznogo faktora na pravovoi status sibirskikh aborigenov (XVIII–XIX vv.) [The influence of the religious factor on the legal status of Siberian aborigines (XVIII–XIX centuries)] *Narodonaselenie Sibiri: strategii I praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii* (XVII — nachalo XX v.) [Population of Siberia: strategies and practices of intercultural communication (XVII — early XX century)]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2008, pp. 303–319 (in Russian).

Konstantinova N. A., Bondarenko O. V. Ehtnicheski I sostav musul'man Vostochnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vekov [The ethnic composition of Muslims in Eastern Siberia at the turn of the XIX–XX centuries]. *The ories and Problems of Political Studies* [The ories and Problems of Political Studies]. 2018, vol. 7, is. 3A, pp. 3–7 (in Russian).

Cruz R. *Za prorokaitsarya. Islam iimperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii* [For the prophet and the king. Islam and the Empire in Russia and Central Asia]. Moscow: New Literary Review, 2020, 475 p. (in Russian).

Litvinenko P. V. Strannyye neofity islama: perekhod khristian v islam v russkom Turkeстане [Strange neophytes of Islam: the conversion of Christians to Islam in Russian Turkestan]. *Istoriya: fakty i simvol'y* [History: facts and symbols]. 2022, no. 3, pp. 36–51 (in Russian).

Litvinov V. P. O vysylke “vrednykh” musul'man iz tsarskogo Turkestana (po arkhivnym materialam) [On the expulsion of “harmful” Muslims from Tsarist Turkestan (according to archival materials)]. *Vestnik KRSU* [Bulletin of the KRSU]. 2015, vol. 15, no. 6, pp. 73–77 (in Russian).

Mavlyutova G. S. Pravovoi status musul'manskogo dukhovenstva Tobol'skoi gubernii v kontse XVIII — nachale XX v. [The legal status of the Muslim clergy of the Tobolsk province at the end of the XVIII — early XX century]. *Vestnik arkheologii, antropologii I etnografii* [Bulletin of Archeology, anthropology and ethnography]. 2018, no. 4, pp. 175–183 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NARB). [The National Archive of the Republic of Bashkortostan (IN RB)]. Fund 295. Inventory 3. File 6087 (in Russian).

NARB. [IN RB]. Fund 295. Inventory 4. File 12395 (in Russian).

Nam I. V. *Natsional'nye men'shinstva Sibirii Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917–1922)]. Tomsk: Publishing House Vol. unita, 2009, 496 p (in Russian).

Nam I. V. Institutstionalizatsiya ehtnichnosti v sibirskom pereselencheskom obshchestve (konets XIX — nachalo XX v.) [Institutionalization of ethnicity in the Siberian resettlement society (late XIX — early XX century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya Irkutsk State University]. 2014, vol. 10, pp. 34–49 (in Russian).

Nedelyuk T. G. Smena veroispovednoi prinadlezhnosti v Rossiiskoi imperii na primere Zapadnoi Sibiri: potentsial'nye vozmozhnosti, normativnoe regulirovanie, praktika primeneniya [The change of religious affiliation in the Russian Empire on the example of Western Siberia: potential opportunities, regulatory regulation, practice of application]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2019, vol. 21, no. 4, pp. 128–139 (in Russian).

Osnovypolitiki Rossiiskogo gosudarstva v sfere svobody sovesti I veroispovedaniya (kontseptsiya) [Fundamentals of the policy of the Russian state in the field of freedom of

conscience and religion (concept)]. *Voprosy religiiireligiovedeniya. Prilozhenie k zhurnaluu "Gosudarstvo, religiya, tserkov"* [Questions of religion and religious studies. Appendix to the journal "State, religion, Church"] Moscow: Publishing house "MediaProm"; Publishing house of RAGS, 2009, part 4, Is, 1, pp. 183–184 (in Russian).

Osoboe Soveshchanie po musul'manskim delam 1914 goda: Zhurnaly. [A special Meeting on Muslim Affairs in 1914: Journals]. Kazan: Ikhlas, Publishing House of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2011 295 p (in Russian).

Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1865 i 1866 g. [Commemorative book of the Yenisei province for 1865 and 1866]. St. Petersburg: Printing house of K. Wolf, 1865, 345 p. (in Russian).

Troinitskii N. A., Ed. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg: publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904, vol. LXXXIII, Yenisei province, 185 p. (in Russian).

Petrovsky A. V. Vzaimodeistvie traditsionnykh i religioznykh normativnykh institutov preduprezhdeniya prestupnogopo vedeniya s zakonodatel'stvom Rossiiskoi imperii v XIX — nachale XX v. [Interaction of traditional and religious normative institutions for the prevention of criminal behavior with the legislation of the Russian Empire in the XIX — early XX century]. *Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. 2021, no. 9, pp. 88–93 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii 1892 goda [The Regulations on foreigners of 1892]. Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Russian Book Association "Doer", 1912, vol. 2, pp. 531–586 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830, collection II, vol. IV, no. 2902 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1867, Collection II, vol. XXXIX, no. 41475 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1868, collection II, vol. XLI, no. 43138 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1890, collection III, vol. VIII, no. 5419 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1901, collection III, vol. XVIII, no. 15503 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1908, collection III, vol. XXV, no. 26125 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1909, collection III, vol. XXVI, no. 27479 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). [Russian State Historical Archive (RGIA)]. Fund 1291. Inventory 66. File 55 (in Russian).

Redkozubov A. D. Islam v Rossiiskoi imperii [Islam in the Russian Empire]. *Humanity space. Inernational almanac* [Humanity space. International almanac]. 2015, vol. 4, no 5, pp. 987–993 (in Russian).

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: New Literary Review, 2007, 368 p. (in Russian).

Starostin A. N. Formirovanie musul'manskikh obshchin v gornozavodskikh poseleniyakh Urala i Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. [Formation of Muslim communities in mining settlements of the Urals and Siberia in the late XIX — early XX century]. *Izvestiya UGGU* [Izvestiya UGSU]. 2019, is. 2 (54), pp. 173–180 (in Russian).

Starostin A. N., Pavlinova R. N. Mecheti i imamy Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii v kontse XIX — nachale KHKH veka: popytka sotsio-istoricheskogo analiza [Mosques and imams of Eastern Siberia and the Russian Far East in the late XIX — early XX century: an attempt at socio-historical analysis]. *Islam v Sibiri: vyzovy vremeni* [Islam in Siberia: challenges of the time]. Omsk: Omsk State Technical University, 2016, pp. 63–69 (in Russian).

Tur V. G. Konfessional'naya sudebnaya Sistema Rossiiskoi imperii serediny XIX v.: istoriya i sovremennye problemy [Confessional judicial system of the Russian Empire in the middle of the XIX century: history and modern problems]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences]. 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 74–85 (in Russian).

Usmanova D. M. Musul'manin v penitentsiarnoi sisteme Rossiiskoi imperii: svidetel'stva tatarskikh ehgo-dokumentov nachala XX stoletiya [The Muslim in the penitentiary system of the Russian Empire: evidence of Tatar ego documents of the beginning of the XX century]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of the RUDN]. 2023. Series: The History of Russia, vol. 22, no. 2, pp. 188–206 (in Russian).

Ustav stroitel'nyi. 1900 g. [Building regulations. 1900]. *Svod zakonov Rossiisko i Imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Russian Book Association “Doer”, 1912, vol. 12, pp. 208–242 (in Russian).

Fedorova V. I. Sel'skaya byurokratiya i krest'yanstvo v Eniseiskoi gubernii XIX — nachala KHKH vekov [Rural bureaucracy and peasantry in the Yenisei province of the XIX — early XX centuries]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2023, vol. 12, no. 2, pp. 489–508 (in Russian).

Khristianskoe prosveshchenie i religioznye dvizheniya (reislamizatsiya) kreshchenykh tatar v XIX — nachale XX vv. Sbornik materialov i dokumentov [Christian enlightenment and religious movements (re-Islamization) of baptized Tatars in the XIX — early XX centuries. Collection of materials and documents]. Kazan: Publishing house “Ikhlas”, 2012, 412 p. (in Russian).

Shershneva E. A. Polozhenie mull v musul'manskikh obshchinakh Eniseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The situation of mullahs in the Muslim communities of the Yenisei province in the second half of the XIX — early XX century]. *Ehtnicheskie men'shinstva v istorii Rossii. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ethnic minorities in the history of Russia. Materials of the IV International Scientific Conference]. St. Petersburg, 2023, pp. 16–22 (in Russian).

Shumskaya E. M. Problemy prinyatiya pravoslaviya nekhristianskim naseleniem Orenburgskoi eparkhii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [Problems of acceptance of Orthodoxy by the non — Christian population of the Orenburg diocese (the second half of the XIX — beginning of the XX century)]. *Gorokhovskie chteniya. Materialy IV regional'noi muzeinoi konferentsii* [Gorokhov readings. Materials of the IV regional Museum conference]. Chelyabinsk: Regional State Budgetary Cultural Institution “Chelyabinsk State Museum of Local Lore”, 2013, pp. 36–46 (in Russian).

Yarkov A. P. Marginaly ummy aziatskoi chasti Rossii v XIX — nachale XXI v. [Marginals of the Ummah of the Asian part of Russia in the XIX — early XXI century]. *Aziatskaya Rossii: problem sotsial'no-ehkonomicheskogo, demograficheskogo I kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.)* [Asian Russia: problems of socio-economic, demographic and cultural development (XVII–XXI centuries)] Novosibirsk: Parallel, 2017, pp. 264–268 (in Russian).

Yarkov A. P., Starostin A. N. *Islam ot Urala do Kamchatki v panorama vekov* [Islam from the Urals to Kamchatka in the panorama of centuries]. Tyumen: Tyumen State University Press, 2021, 300 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 11.09.2023

Принята к публикации: 10.02.2024

Дата публикации: 31.03.2024